

© 2010 г.

П. ЧОНИ (Италия)

М. ГОРЬКИЙ В ИТАЛИИ (по документам Центрального архива Италии)

В 1924 г., после странствований по Центральной Европе, М. Горький прибыл в Сорренто. Италия, встретившая писателя, была уже не той Италией, которую он увидел в начале века и которую описывал в письмах друзьям и в рассказах. Горький это знал: 18 сентября 1923 г. в письме Р. Роллану, рассуждая о политической ситуации в Италии, он писал о “безумной аванюре Муссолини”¹, выражая крайнюю обеспокоенность обстановкой, сложившейся в стране. Уже во время получения визы писатель понимал, что его действия будут подвергаться ограничениям, и делился со своим французским другом: «Муссолини “Великолепный” не желает, чтобы я поселился на Капри, хотя я не имел ни малейшего желания селиться там»². За неделю до прибытия М. Горького в Сорренто в Италии прошли выборы. Им предшествовала масштабная предвыборная кампания, сопровождаемая насилием и угрозами со стороны фашистов. Несколько месяцев спустя был убит депутат-социалист Дж. Маттеотти, разоблачивший выборные махинации. За убийством последовала волна протестов и отказ членов оппозиционных антифашистских групп участвовать в работе парламента до тех пор, пока не будет создано правительство, способное восстановить законную власть.

Однако после кризиса Б. Муссолини вновь возглавил правительство и с 1925 г. не стало никаких гражданских свобод. Ситуацию, сложившуюся в стране, Горький хорошо описал в письме Р. Роллану 21 июля 1925 г. Говоря о положении в Италии, он утверждал: “Жизнь принимает формы все более жестокой гражданской войны. Европа – в судорогах и теряет былую уверенность в своем культурном престиже. С печальным изумлением видишь, как в Италии безнаказанно избивают культурных и убивают честных людей. Интеллигенция Европы должна выступить с протестом против избияния таких людей, как Амендола”³. В письме М. Горький упомянул Дж. Амендолу, одного из главных вдохновителей оппозиции. Он умер во Франции в 1925 г. из-за травм, нанесенных ему фашистскими боевиками. В 1926 г. наряду с другими руководителями компартии был арестован А. Грамши. Немногие избежавшие ареста партийные лидеры эмигрировали. Антифашистская политическая деятельность могла продолжаться только подпольно. Открытой оппозиции режиму не осталось. Любой контакт с членами или сочувствующими компартии стоил бы М. Горькому изгнания из Италии. В условиях отсутствия всяких демократических свобод, господства тоталитарной диктатуры, последовательного подавления партийно-политической оппозиции режиму русский писатель оказался в вынужденной изоляции.

Чони Паола – кандидат исторических наук, директор Итальянского культурного центра во Франкфурте-на-Майне (ФРГ), специалист по истории и культуре России.

¹ Архив А.М. Горького. Т. XV. М. Горький и Р. Роллан. Переписка (1916–1936). М., 1995, с. 68.

² Там же, с. 89.

³ Там же, с. 128.

Полицейские отчеты с 1924 по 1927 г. из итальянских архивов исчезли. Несмотря на это можно утверждать, что М. Горький находился под постоянным контролем фашистской полиции. После дипломатического признания фашистским правительством СССР взаимоотношения между двумя диктатурами некоторое время были хорошими. Но трудно представить себе, что итальянская полиция не занималась эмигрант-революционером. Во второй половине 20-х годов XX в. М. Горький выражал явное несогласие с некоторыми действиями советского руководства. Он сохранил связи с антифашистами разных стран и никогда не прерывал отношений с родиной. Писатель покинул Россию “больной и рассерженный на г. Зиновьева, Ленина и на самого себя”⁴. Однако через несколько дней после отъезда из России в интервью газете “Деيلي Ньюс” он заявил: “В принципе я совершенно разделяю теорию Ленина и твердо верю в международную социальную революцию”⁵. Писатель открыто говорил о своей поддержке советской власти и сохранял отношения с родиной, что давало возможность отнести его к оппозиционерам режиму Б. Муссолини и заставляло опасаться любых его действий. Именно это позволило польскому писателю Г. Герлингу-Грудзинскому утверждать, что начиная с 1925 г. М. Горький “находился практически под покровительством Советского правительства: финансовом – в том, что касалось его средств существования, и полудипломатическим – в том, что касалось его права неприкосновенности со стороны итальянских фашистских властей”⁶.

Единственным свидетельством вторжения фашистской власти в жизнь М. Горького в течение первых двух лет его пребывания в Италии был обыск, произведенный в 1925 г. в комнате баронессы М.И. Будберг, переводчицы и секретаря писателя. “17 сентября, – отмечал М. Горький, – в 6 часов утра в моей квартире, в комнате секретарши моей, Марии Игнатьевны Будберг, урожденной Закревской, произведен был обыск и осмотр документов местной соррентийской полицией. Будберг работает у меня с 1919 года и мне точно известно, что она человек совершенно чуждый политики, членом какой-либо политической партии ни в России, ни вне ее не состояла и не состоит. В качестве секретарши она хранит в своей комнате всю мою литературную переписку и черновики рукописей моих. Поэтому я заключаю, что обыск был направлен против меня”⁷. Хотя Горького и уверяли, что обыск провели, поскольку подозревали в шпионаже М.И. Будберг, было очевидно, что политическая полиция просмотрела личные документы писателя и таким образом ознакомилась с его перепиской с представителями левой европейской интеллигенции. Действительно, баронесса хранила в своей комнате всю его корреспонденцию. Мы знаем, что М. Горький отправил Б. Муссолини два письма и две телеграммы и был возмущен, вместе с советским послом, отсутствием ответа. В полицейском отчете 1928 г. подчеркивается, что писатель, возвращаясь из Москвы, останавливался в Риме, где, “улыбаясь, напомнил послу Курскому, что два-три года назад по распоряжению префекта Неаполя в его доме был произведен обыск и возмущенный этим фактом, Горький направил письмо протеста непосредственно многоуважаемому господину Муссолини, который, ответил ему очень вежливо, сожалая о случившемся”⁸.

В главном государственном архиве Италии – Центральном управлении по делам общественной безопасности – хранится дело номер 619, к которому в период с 1927 по 1933 г. подшивались все доклады полиции, касающиеся М. Горького. Это свидетельствует о том, что полиция следила за писателем. Слежка стала интенсивной в последние месяцы его пребывания в Сорренто. Все люди, вступавшие с Горьким в контакт, немедленно попадали под подозрение и о каждом их действии сообщалось в отдел

⁴ Берберова Н.Н. Курсив мой. Автобиография. М., 1996, с. 204.

⁵ Летопись жизни и творчества А.М. Горького, вып. 3. М., 1959, с. 57.

⁶ Herling G. Da Gor'kij a Pasternak. Considerazioni sulla letteratura sovietica. Roma, 1958, p. 22.

⁷ Archiv Gor'kogo. Письма Горького иностранцам, папка H59-29-1.

⁸ Архив Министерства внутренних дел Италии, Управление общественной безопасности, личные дела (1927–1944), д. 619. Отчет полиции от 19 октября 1928 г.

политической полиции Министерства внутренних дел Италии. Так, например, в деле некоего Д. Прясникова говорится: «Прибыл в Сорренто из Рима вечером 21 ноября, остановился в “Отель Рояль”. На следующий день отправился на виллу “Иль Сорито”, где проживает известный писатель Максим Горький, с которым он имел четырехчасовой разговор. Во второй половине того же дня Прясников уехал из Сорренто в Каstellамаре ди Стабия... помимо вышеуказанного иностранного гражданина, который, как было выяснено, не является служащим российского посольства, ни один русский больше не приезжал из Рима в вышеупомянутую коммуны и не имел личных бесед с Горьким. На данный момент, в связи с закрытостью встречи Прясникова и Горького, о теме и цели ее ничего не известно, однако расследование продолжается»⁹. Главный комиссар Неаполя оставлял за собой право доложить о результатах расследования позднее. Д. Прясников попал под подозрение после встречи с М. Горьким, а описание его внешности и номер паспорта были направлены в отдел политической полиции. Это наглядно объясняет, что не только сам писатель, но и все те, с кем он общался, находились под угрозой ареста и высылки из страны.

Помимо людей, приезжавших в Сорренто, под контролем находилась и вся переписка писателя, проходившая по официальным каналам. 30 октября 1927 г. Главное управление почт и телеграфов сообщило политической полиции об изъятии посылки для М. Горького, прибывшей из Москвы, а 12 декабря 1928 г. была изъята книга “Письма Сакко и Ванцетти”, доставленная из Нью-Йорка. 13 января 1929 г. после тщательного изучения представителями полиции книгу “Письма Сакко и Ванцетти” доставили адресату. 12 марта 1930 г. региональный Комиссариат Неаполя сообщил в Главное управление по делам общественной безопасности Министерства внутренних дел, что «по запросу префектуры Удине несколько дней назад, согласно порядку, установленному в свое время уважаемым Министерством, было изъято несколько заказных писем, отправленных на имя писателя Максима Горького из Москвы, в связи с обнаружением в них копий газеты “Правда”, запрещенной к ввозу в Королевство». Таким образом, очевидно, что контроль над всей перепиской Горького осуществлялся по указанию властей. В связи с изъятием писем посольство СССР направило официальный запрос в Министерство иностранных дел Италии¹⁰ с просьбой дать оценку ситуации, а городской Комиссариат Неаполя отправил в Министерство внутренних дел ноту, в которой выражалось сомнение в целесообразности дальнейших изъятий печатных изданий, так как “подобные действия в отношении Горького могут быть расценены им как особое подозрение, и хотя эти меры не влекут никаких конкретных практических и политических выводов, они могут вызвать раздражение писателя и неуместные комментарии в адрес Режима”¹¹. После этого Министерство внутренних дел сняло запрет на пересылку прессы, “принимая во внимание, что пребывание Горького в Итальянском Королевстве всегда было официально разрешено, а экземпляры газет не казались (не кажутся) предназначенными для пропаганды коммунистических идей в Италии”.

За этим последовали любопытные анонимные сообщения от информаторов политической полиции. Докладывали, что М. Горький, будучи коммунистом, был и почитателем фашистского режима, о котором он всегда отзывался положительно. Особенное восхищение писателя вызывал дуче Муссолини (Париж, 12 декабря 1930 г.). Уверяли, будто бы в коммунистической среде все абсолютно уверены, что М. Горький станет послом СССР в Италии (Базилеа, 29 июля 1931 г.). В посольстве СССР, сообщали информаторы, поднят вопрос о том, что фашистская печать сообщает о возвращении писателя в Москву. Но в газетах не указывается причина, по которой русский писатель

⁹ Там же, Отчет полиции от 16 декабря 1927 г.

¹⁰ Там же, Письмо Министерства коммуникаций в Министерство внутренних дел от 12 июня 1930 г.

¹¹ Там же, Отчет Верховного Комиссариата города и провинции Неаполя Генеральной дирекции политической полиции от 12 марта 1930 г.

оставил свою виллу в Сорренто. Иначе говоря, замалчивался тот факт, что причиной был план покушения на жизнь М. Горького, разработанный русскими, проживающими за границей (Рим, 4 мая 1932 г.).

Ни одно из этих сообщений нельзя воспринимать серьезно. Благодаря имеющимся документам, мы можем утверждать, что в последние месяцы пребывания М. Горького в Сорренто слежка за ним и людьми, с которыми он контактировал, была усилена. Это становится очевидным, если прочесть следующее анонимное сообщение от 31 декабря 1932 г.: “Замечу, что вокруг знаменитого русского писателя Максима Горького, проживающего на острове Капри, и его семьи формируется подозрительный круг лиц, проживающих на территории Италии и придерживающихся большевистских идей. Эти люди вполне могут создать на острове или же в Неаполе некую организацию”¹². Таким образом, представители политической полиции были вынуждены подробно изучать деятельность писателя. Существует доклад Комиссариата Неаполя, созданный под руководством Главного управления по делам общественной безопасности и отредактированный 12 июня 1933 г., то есть тогда, когда М. Горький уже выехал из Италии. В докладе подробно описан каждый, кто жил в доме писателя или был гостем на его вилле. Любые действия этих людей записывались. Полиции были известны их профессии, социальное положение, дата прибытия на виллу и отъезда из дома М. Горького. В документе сказано, что писатель “всегда вел достаточно уединенный образ жизни, в то время как другие члены его семьи, например, сын, сноха и жена, постоянно совершали различные поездки”. Однако причины таких поездок в документе не поясняются. Полиция так и не обнаружила доказательств того, что Горький и члены его семьи занимались прокоммунистической деятельностью. Однако было очевидно, что семья писателя сохраняла связь со своими соотечественниками.

Контроль над жизнью Горького выражался в том, что полиция досконально изучала особенности расположения виллы, привычки каждого члена семьи писателя и каждое действие абсолютно любого гостя этого дома. Весомых результатов подобные методы контроля не дали. Казалось, что жизнь этого дома не для посторонних глаз и взять ее под контроль лишь с помощью средств, которыми располагала полиция, нельзя¹³. По словам Главного комиссара Неаполя, “виллу никогда не посещали итальянцы, поэтому посылать туда информаторов, которые могли бы в последствии доложить о строящихся в стенах этого дома антифашистских заговорах, было бесполезно. К тому же вилла находится достаточно далеко от центра. Следовало бы установить постоянный контроль за домом, причем контроль этот должен осуществляться на достаточно близком расстоянии”¹⁴. И, конечно же, не представлялось возможным тщательно следить за перепиской М. Горького. Ведь у писателя были связи в посольстве СССР в Италии. Легко предположить, что “ответы на письма, вызывающие сомнения, доходили бы до Горького другими путями”. Доклад завершался просьбой “распространить особые распоряжения по повышенному надзору на пограничной территории, а также в префектурах Королевства в отношении советских подданных, слишком часто бывающих в Италии”¹⁵. Насильственное отчуждение семьи М. Горького от итальянской жизни и постоянный контроль со стороны полиции заставили писателя принять решение вернуться на родину. Оставаться в Европе, особенно после прихода к власти Гитлера, было опасно.

За несколько дней до возвращения в СССР М. Горький писал Р. Роллану: “Все, что сейчас творится в Европе и под ее разлагающим влиянием на Востоке, да и всюду в мире, показывает нам, до чего трагикомически непрочны основы буржуазной, своекорыстной, классовой культуры. Вы знаете я марксист, не потому, что читал Маркса... Ложь, лицемерие, грязный ужас классового строя я воспринимал непосредственно от

---

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

явлений жизни, от фактов быта. Поэтому происходящее в наши дни, возбуждая отвращение, не очень изумляет меня. По всем посылкам, которые наблюдал я полсотни лет сознательной моей жизни, явствовало, что вывод из этих должен быть грозным и сокрушительным. И – вот он, вывод: в стране Гёте, Гумбольда, Гемгольца, и целого ряда колоссально талантливых людей, чудесных мастеров и основоположников культуры, – в этой стране всей жизнью ее безответственно, варварски командует крикливый авантюрист, человеческого плоского ума, бездарный подражатель искусного актера Бенито Муссолини. В Этой стране, где проповедовалась идея культурной гегемонии немецких мещан над мещанами всей Европы, теперь проповедуется отказ от культуры, возвращение назад, даже не к средневековью, а ко временам Нибелунгов... У меня есть основание полагать, что это вырождение свойственно не только германским странам и что при первом серьезном потрясении оно проявится также во Франции и Англии – на всем Западе”¹⁶.

Разве возможно было М. Горькому остаться в Европе? Мог ли он жить, подвергая постоянной опасности себя и свою семью? Конечно же, нет. У писателя не было выбора и он решил вернуться в СССР. Он надеялся, что на родине ему удастся осуществить культурную революцию, о которой он мечтал еще на Капри и которая была задумана революцией 1917 г. Нам остается лишь согласиться с утверждением В. Страды: “Когда М. Горький принял сталинскую революцию, он был убежден, что она, укротив подрывные анархические силы, начнет великое дело коллективного строительства”¹⁷. Но, возвращаясь в СССР, писатель не мог предвидеть, на пороге каких событий стояла его родина.

---

¹⁶ М. Горький и Р. Роллан. Переписка (1916 – 1936), с. 264 – 265.

¹⁷ *Strada V. L'altra rivoluzione. Gor'kij, Lunacharskij, Bogdanov. La “Scuola di Capri” e la “Costruzione di Dio”*. Capri, 1994, p. 22–23.